

защите и поддержке русского языка как общем цивилизационном достоянии. Русский язык остается функциональным независимо от желания этнократических групп. Вычеркнуть общее прошлое, связанное с русским языком, означает крупнейший стратегический просчет и серьезный урон национальной культуре и государственности.

Список литературы:

1. Штраф за «спасибо». Защитник «мовы» напомнил о себе / Российская газета. – 2020, 3 дек.
2. Зеленский вычеркнул русских из числа «коренных народов» Украины / Российская газета. – 2021, 21 мая
3. Ивженко, Т. В Украине могут ввести уголовную ответственность за связи с Россией. Для граждан, думающих не так, как власть, готовят тюремные камеры / Т.В. Ивженко. – Независимая газета. – 2021, 2 марта.
4. Медведев, Д.А. Почему бессмысленны контакты с нынешним украинским руководством / Д.А. Медведев // Коммерсант. 2021, 12 окт.
5. История Узбекистана (1917–1991 годы): учебник / авт.: К. Ражабов, А. Замонов. 1-е издание. – Ташкент: Изд.-полигр. творч. дом им. Г. Гуляма, 2017. – 144 с.

Пименов В.Ю.

НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И ОБРАЗ РОДИНЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

Ключевые слова: национальная самоидентификация, образ Родины, историческое сознание, историческое образование, историография.

В результате распада Советского Союза на политической карте мира появилось 15 новых самостоятельных государств, одна часть которых уже имела исторический опыт независимости и государственного суверенитета, другая же вынуждена была получать его практически впервые.

Гибель крупных государств имперского типа неизменно порождает целый комплекс проблем, не только политических, социальных и экономических, но и идеологических, поскольку становление любой государственности невозможно вне национальной идеи, формулирования принципов национальной самобытности и культурно-исторической идентичности. Факты указывают на прямую зависимость между незрелостью государственного суверенитета страны, отсутствием какого-либо исторического опыта самостоятельности, с одной стороны, и степенью национализма и шовинизма как установок общественного сознания, институализированных в разного рода движениях и организациях, – с другой. В связи с этим здесь значительна роль исторической науки, которая призвана убедительно, насколько это возможно, отыскать исторические корни национальной государственности, обосновать специфику отношений с соседями и, прежде всего, с Россией, дать оценку знаковым историческим событиям. А уже на

основании этого система среднего и высшего образования должна внедрить это в умы молодежи, сформировав определенный тип исторического сознания, без которого национальная самоидентификация любого народа невозможна в принципе.

Таким образом, концептуальное содержание исторического образования, и школьного, и вузовского, является как основным показателем уровня и направленности развития процессов национальной самоидентификации, так и репрезентацией геополитических установок того или иного государства и даже психологических стереотипов восприятия.

В связи с этим контент-анализ содержания школьных и вузовских учебников по истории представляет безусловный интерес для понимания особенностей национальной самоидентификации государств, в частности, постсоветского пространства. В плане научного изучения данная проблема является весьма востребованной среди политологов, социологов, историков, была предметом обсуждения десятков конференций, темой монографий и статей [3]. Общим выводом, к которому пришли ученые, является констатирование факта устойчивой тенденции не изучать историю, а фабриковать ее в соответствии с политической конъюнктурой. Львиная доля искажений и фальсификаций, что неудивительно, касается периода существования СССР: фундаментальному пересмотру подвергаются все исторические события, с ним связанные. При этом Россия как главный правопреемник Советского Союза позиционируется в большинстве национальных историй как захватчик, по сути, аннексировавший ряд независимых государств и присоединивший их к собственной территории, которая получила название «Союз Советских Социалистических Республик». Тем самым, в национальной идеологии ряда постсоветских республик, преимущественно ориентированных на страны западной демократии, СССР и Россия – понятия синонимичные и представляют собой классический образ врага, насущно необходимый политическим элитам для сплочения нации.

В связи с этим особенного внимания заслуживает опыт интерпретации истории в Беларуси, государстве, политически максимально близком России, находящемся с ней в составе Союзного государства.

Беларусь – уникальная страна со специфической историей. Среди всех постсоветских государств она одна из немногих не испытала того накала националистических страстей, которые всегда сопровождают процессы становления государственности и поиски национальной самоидентификации. Более того, только в Беларуси националистические партии и их представители терпят поражение на выборах в органы власти, не имея серьезной поддержки народа. Показателен и тот факт, что русский язык является не только официальным государственным языком, но и общепринятым средством общения: белорусский язык знают, но в повседневной жизни практически не используют.

Специфика исторического пути Беларуси, как и некоторых других постсоветских государств, заключалась, в особом приграничном положении и геополитического, и социокультурного характера. Такое исторически сложившееся состояние расколотости, фрагментированности национальной культуры белорусов, будто затерявшейся и растворившейся то в польской, то в русской, то в советской социокультурной реальности, очень точно отражает понятие, использованное белорусским философом В. Акудовичем, – «архіпэляг Беларусь» [1, с. 7]. В этом архипелаге можно обнаружить оторванные друг от друга и в то же время являющиеся частями некоего единого целого островки «польскости», «русскости», «советскости», что позволяет описывать современную белорусскую культуру и национальное самосознание как явления по-настоящему мультикультурные и поливекторные.

По мысли авторов концепции пограничья И. Бобкова и П. Терешковича, принятие на уровне национальной идеи пограничного положения как исторической традиции и неизбежности позволит как белорусам, так и украинцам и молдаванам сформировать адекватный тип национальной самоидентичности и определить свое место в мировом сообществе начала XXI в., а возможно, и дать миру новые формы политических, экономических и культурных практик, которые «вынужденно находят себя на пограничье демократии и авторитаризма, либерализма и консерватизма, глобальности и региональности» [2, с. 6]. И в этом смысле опыт Беларуси как особого государственного образования, исторически интегрированного как политически, так и культурно, является бесценным в плане современных процессов глобализации и общеевропейской интеграции.

Одновременно это не отменяет актуальности процессов укрепления национального сознания белорусов, понимания собственного уникального пути развития, ясного осознания исторических корней. Все это невозможно без сосредоточенной работы по формированию исторического сознания усилиями идеологии, образования, СМИ. Первоочередную роль в формировании той или иной модели национальной самоидентичности играет образование, прежде всего историческое.

В белорусских школах изучают два исторических курса – историю Беларуси и всемирную историю. При этом государство с названием Беларусь существует лишь с 1991 года, до этого страна являлась частью других государств и имела различный уровень автономии. В этой связи интересно проанализировать в каком курсе истории изучаются государства, в состав которых входила Беларусь в разные исторические периоды, и на основании этого сделать вывод о позиционировании этого государства как «своего» или «чужого».

На основании анализа текста основных учебников истории Беларуси для вузов [4], которые отражают точку зрения официальной историографии, можно сделать следующие выводы. Во-первых, очевидно отсутствие националистической истерии и антироссийской риторики в изложении и

интерпретации основных исторических периодов и событий. Во-вторых, хоть и спорными, но вполне объяснимыми являются стремления белорусских историков найти истоки белорусской государственности в глубокой древности. Это должно свидетельствовать о вполне здоровых процессах развития национального самосознания и самоидентификации. Тем более, что это делается с оглядкой на исторические факты, без резких оценок и эмоций, взвешенно и в то же время критично, что так свойственно белорусскому характеру и менталитету.

Список литературы:

1. Акудович, В. Мянэ няма: раздумы на руінах чалавека / В. Акудович. – Менск, 1998.
2. Бобков, И. Вместо предисловия / И. Бобков, П. Терешкович // Перекрестки. – 2004. – № 1–2.
3. Образы России и Белоруссии в контексте приграничья: монография / под ред. В.Ю. Пименова. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013. – 326 с.
4. Чигринов, П.Г. Очерки истории Беларуси / П.Г. Чигринов. – Минск, 2007.

Рудковская Е.Э.
**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ЛАБИРИНТАХ ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА**

Ключевые слова: постмодернизм, политические ценности, политическая культура, гражданско-патриотическое воспитание.

Переход от модерна к постмодерну сопряжен, как и любой трансформационный процесс, с кризисными проявлениями. Старшему поколению, которому была дана четкая картина мира, система мировоззренческих шаблонов и ценностных ориентиров, по меньшей мере не понятна ставка на скепсис, мозаичное сочетание различных идей и представлений в дне сегодняшнем. Тоску по рефлексивному мышлению, эпистемологической упорядоченности и непротиворечивости, внятным социально-политическим и этическим установкам можно списать на старческое ворчание и консервативное неприятие нового. Но в том то и дело, что есть все основания для выражения обеспокоенности текущим состоянием духовности эмансипированного подрастающего поколения.

Либеральные идеи свободы, привнесенные западной пропагандой, естественно, оказались манкими для молодежи, которая по определению чуждается правил, ограничений, стандартов, ищет максимальной автономности и свободы самовыражения. Эти призывы легли на благодатную почву возраста в силу его податливости манипуляциям, гибкости мышления, обостренной эмоциональности, в чем-то невежественности и оппозиции долгу, дисциплине, рамкам; в силу определенной растерянности старшего поколения, которое в кризисные времена само переживало процесс ресо-